

ОТДЪЛЪ V.

Смѣсъ.

Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ «купальскихъ» обрядовъ и игрищъ.

Во многихъ мѣстахъ Россіи сохранились до настоящаго времени остатки древнихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, пріуроченныхъ ко дню св. Иоанна Крестителя (24 июня), называемаго въ народѣ днемъ Ивана Купалы. Согласно общепринятыму мнѣнію, это празднество совершилось въ честь поворота солнца съ лѣта на зиму и съ купальскими обрядами и игрищами соединялась у древнихъ язычниковъ мысль о замираниі плодотворныхъ силъ природы, послѣ лѣтнаго солнечнаго поворота. По объясненію Аѳанасіева, солнце послѣ лѣтнаго солнцестоянія, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ бога-громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія ночи, съ приходомъ которой земное свѣтило тонеть въ волнахъ всеміриаго океана, зимы, которая гасить огонь жизни. (Поэт. возвр. слав. на пр. Аѳанасіева. III, 724).

Такой моментъ наши предки язычники и озnamеновали особыми купальскими праздниками и игрищами, совершившимиися около 24 июня—около дня Ивана Купалы. Таково происхожденіе и значеніе купальскихъ обрядовъ.

Междудѣй тѣмъ, не смотря на общераспространенность вышеприведенного мнѣнія и на признанность этого мнѣнія многими авторитетами, согласиться съ нимъ едва ли возможно.

Какимъ образомъ могла соединяться у древняго язычника мысль о замираниі природы во время купальскихъ празднествъ—въ то самое время, когда силы природы и достигаютъ именно наибольшей своей жизненности, когда солнце, по народному повѣрю, играетъ и пляшетъ на небѣ¹⁾—когда всѣ растенія разговариваютъ

¹⁾ Вышеприведенные народныя повѣрья въ настоящее время во многихъ мѣстахъ пріурочиваются въ праздникъ св. Пасхи, но въ старину они связывались съ днемъ Ивана Купалы. «Грае (играеть) сонечко на Ивана», говорится въ одной старинной купальской пѣснѣ. (Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 342). Въ «Вечери духовной», сочиненной іер. Синеономъ Полоцкимъ (ум. въ 1682 г.) говорится, что въ извечеріе Иванова дна некоторые «доходить до такого безумія, что и касательно великаго небеснаго свѣтила суетѣствуютъ въ толь день такимъ образомъ: не спать всю ночь въ ожиданіи восхода солнца, съ тѣмъ, чтобы, увидѣвши его, рассказывать, какъ оно играеть, скакать съ мѣста на мѣсто и принимать на себя различные цвета» (Руков. для сельск. пастырей. 1860 г., стр. 228).

между собою и переходить съ мѣста на мѣсто, когда зацвѣтаетъ даже никогда не цвѣтущий папоротникъ?

Какимъ образомъ у грубаго, умственно неразвитаго язычника могла зародиться мысль о змѣй, когда наступало знобное лѣто, когда для оплодотворенной солнечными лучами земли наступалъ періодъ плодоношенія?

Трудно даже и съ очевидной натажкой отвѣтить на эти вопросы, трудно, если даже и предположить, что наши предки славяне жили первоначально въ болѣе теплыхъ странахъ на берегахъ Дуная. И тамъ, какъ всѣмъ известно, въ юнѣ мѣсяцѣ природа еще ничѣмъ не напоминаетъ зими, а, напротивъ, находится, какъ говорится, въ полномъ разцвѣтѣ.

Если же это такъ, то и характеръ и значеніе купальскихъ празднествъ и игрищъ были совершенно иные.

Не мысль о замираниіи природы соединялась съ купальскими праздниками и игрищами, не проводы лѣта представляли они, напротивъ съ ними соединялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта вадь тьмою, тепла надъ холодомъ, о полномъ утвержденіи богами свѣтлыми своего благодатнаго царства; съ этими праздниками соединялась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго солнца съ зарей.

Чтобы наше предположеніе не было голословнымъ, разсмотримъ поближе некоторые купальскіе обряды и пѣсни. Въ одной изъ купальскихъ пѣсень говорится, что стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля ушла—
Озеро стало:

Въ озерѣ самъ богъ купався
Съ дѣтками судитками ¹⁾.

Что это былъ за богъ, купавшійся въ озерѣ съ дѣтками судитками? Начнемъ съ дѣтокъ-судитокъ. На нихъ указываетъ, повидимому, слѣдующая купальская пѣсня:

Черезъ наше село везено дерево.
Ой воно воно въ недѣлю рано
Изъ за моря далеко.
А зъ того дерева зроблена церковка,
А въ той церковцѣ чотирь віконца:

Перво віконце—Василько, якъ солнце,
Друге віконце—Іванъко, якъ солнце,
Третье віконце—Павличко, якъ солнце,
Четверто віконце—Налійко, якъ солнце.

Подъ окнами же въ небесномъ храмѣ, по иѣнію г. Асанасьевъ, разумѣются свѣтила днія и ночи (Поэт. возвр. сл. на пр. I, 161).

Основываясь на словахъ вышеприведенной купальской пѣсни, некоторые исследователи видѣть въ купавшемся богѣ Свѣтовита—верховное божество, возвышавшееся надъ всѣми богами славянъ. Дитки—судитки—подчиненные ему божества свѣта: солнце, мѣсяцъ и зара. (Поэт. возвр. I, 133—134). Въ купальскихъ пѣсняхъ этотъ Свѣтовитъ встѣрѣается чаще всего подъ именемъ Ивасы-Івана. Такъ какъ всякое божество у нашихъ предковъ язычниковъ имѣло свою божественную супругу, то не обошелся безъ нея и Свѣтовитъ, замѣненный въ позднѣйшую пору Иваномъ Купаломъ. Народная фантазія поставляетъ Ивана Купалу въ связи съ женскимъ существомъ, представляемымъ подъ именами то Мары, то Ганны, то Аграфены Купальницы, то какой-то Татьяны. По иѣнію этихъ исследователей, имѣть о купаніи бога въ озерѣ знаменуетъ собою купанье Свѣтовита съ его семействомъ въ волнахъ воздушного океана и его переправу черезъ этотъ океанъ въ загробный міръ зими и смерти (Поэт. возвр. III, 724),—переправу, начинавшуюся во время купальского праздника.

¹⁾ Поэт. возвр. II, 477.

Доступно ли было такое возвышенное представление воображению грубаго чувственного славяниня язычника? Конечно нетъ и несть. Мы знаемъ, что большинство славянъ-язычниковъ не доѣстали даже и до вѣрованія въ единое верховное существо, правящее надъ мирамъ: большинству ихъ не быть известенъ Свѣтовитъ.

Междѣ тѣмъ миѳъ о купаніи бога въ озерѣ, рассказываемый въ купальской пѣснѣ, можетъ быть объясненъ гораздо проще слѣдующимъ образомъ:

Богъ, купавшійся въ озерѣ, это солнце — божество славянъ. Въ купальской пѣснѣ мы находимъ прямое указаніе на это:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Ивасю конемъ грае (срав. «грае соиечко»...)
Зъ підъ Ивасъця сідло сяє (сіаетъ).

Миѳъ этотъ зародился по всей вѣроятности тогда, когда наши предки язычники жили на берегахъ большого озера, а можетъ быть и моря, лежавшаго отъ нихъ на сѣверѣ. Это озеро или море постоянно упоминается въ большинствѣ купальскихъ пѣсень:

Коло воды-моря ходили дивочки,
Коло Мареночки — Купало!

Самъ «тихій» Дунай, упоминаемый очень часто въ народныхъ купальскихъ пѣсняхъ, для всѣхъ жителей праваго его берега лежить на сѣверѣ (протекая съ З. на В.). Солнце, заходя постоянно подъ землю, за горизонтъ или же скрываясь «за лѣса дремучіе», съ наступлениемъ лѣтнаго солнцестоянія должно было скрываться въ это время «не подъ землю», а «подъ воду», т. е. въ водное пространство, лежавшее на сѣверѣ отъ первоначального мѣста жительства нашихъ предковъ.

При первомъ взгляде на солнце, уходящее въ воду, у первобытного человѣка должна была родиться мысль о томъ, что солнце «утонуло». Отсюда и миѳъ о какомъ-то божествѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ¹⁾.

Миѳъ этотъ смыняется затѣмъ миѳомъ о купаніи солнца, такъ какъ на другой же день язычникъ могъ увидѣть, что солнце не утонуло, но живо, что оно только купалось въ земныхъ водахъ. Въ Минской губ. существуетъ и до нынѣ народное повѣрье, что на Купалу солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть же это могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца (Жив. Ст. 1893, 2 в., 284).

Неудивительно, что, переселяясь съ юга на сѣверъ наши предки язычники славяне встрѣчали на своемъ пути по направлению къ сѣверу множество рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, около которыхъ они и селились. И постоянно при этомъ они изъ года въ годь наблюдали тотъ фактъ, что ежегодно, когда наступаютъ самые длинные дни и самые короткія ночи, обоговоряемое ими солнце «купается» въ водныхъ пространствахъ, лежащихъ къ сѣверу. Вмѣстѣ съ солнцемъ погружаются въ эти воды и зоря, и также мѣсяцъ и звѣзды — дѣтины-судитки солнца, точно также они «купаются» въ водахъ.

Правда, есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ разстилается только безбрежное море травы или «лѣса дремучіе», но въ такихъ то мѣстностяхъ всего меньше и сохранилось среди населения остатковъ древнихъ купальскихъ празднествъ. Фактъ вполнѣ подтверждающій нашу гипотезу.

¹⁾ Старосв. бандуристъ. Закревского, № 19, стр. 25.

Купанье солнца происходит, какъ мы уже видѣли, въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ періодъ его возмужалости, т. е. въ такой періодъ, когда человѣкъ чаще всего вступаетъ въ бракъ съ женщиною. Неудивительно, что и по мнѣнію язычниковъ славань къ этому періоду должно пріурочиваться и бракосочетаніе возмужавшаго солица.

По народному представленію матерь солнца—это заря-зарница, ежедневно купающа утомившееся и запыленное солнце и затѣмъ отпускающая его обновленнымъ и сияющимъ (Опытъ Ист. Обозр. Русск. Словесн. О. Мили. I, 31). Эта самая заря, по вѣрованію древнихъ язычниковъ, вступаетъ въ брачный союзъ со своимъ сыномъ солнечемъ (Поэт. возр. I, 598). Это вѣрованіе, какъ известно, выразилось и въ народномъ именѣ объ Андреѣ Первозванномъ, женившемся на своей матери (Тр. Киев. Дух. Ак. 1871 г., 3 т., 566).

Но когда же было, по мнѣнію древняго язычника, всего приличнѣе, всего естественнѣе происходить солнечной свадѣбѣ съ зарею, какъ не въ періодъ наибольшаго могущества солнца—въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда по ночамъ «заря съ зарей сходится», т. е. заря свѣтить всю ночь, когда и заря достигаетъ наивысшаго могущества?...

Купанье солнца по языческому представленію было однимъ изъ актовъ совершающейся солнечной свадѣбы. Неудивительно, что омовеніе входить въ свадебный ритуаль русского народа еще и до сихъ поръ.

Въ Угорской Руси на утро послѣ первой свадебной ночи молодые идутъ къ жодцу, где имъ зачерпываютъ ведро воды. Въ воду въ ведро опускается серебряная монета и этою водою умываются затѣмъ молодые (Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Жив. Стар. 1891 г., в. IV, стр. 131). Серебряная монета, опускаемая въ ведро, есть несомнѣнно эмблема солнца купавшагося въ день своей свадѣбы въ водахъ. У нашего русского народа обрядъ омовенія совершается иногда до свадѣбы, иногда же послѣ нея. Во всякомъ же случаѣ и наша свадебная баня представляетъ изъ себя остатокъ стариннаго омовенія, сохранившагося у угроруссовъ, а не есть одинъ только актъ чистоплотности.

Мнѣческое значеніе свадебной бани проглядываетъ уже и въ предбанныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ иѣкоторое сходство съ пѣснями купальскими:

Какъ у нашей паруши (бани)
Трои дырецки стекольчатыѣ,
Три окощецки косещатыѣ...
... Какъ и наша тепла варушка
Божена на красѣ,

Катана на бѣлыхъ коняхъ,
Она поставлена на путь
На красивомъ мѣстечкѣ,
На крутомъ красномъ бережкѣ (Волог. губ.).

Срав. Церкву ставлять—вікна будують:
Одно віконце—ясне солнце,
Друге віконце—ясный місанъ,
Трете віконце—ясны зирки (Поэт. возр. I, 161).

(Жив. Стар. 1894 г., в. I, стр. 99). Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что и свадебное омовеніе солнышка происходитъ «на крутомъ красномъ бережкѣ».

Купанье солнца въ водѣ служило, какъ мы уже сказали и выше, однимъ изъ «моментовъ» солнечной свадѣбы съ зарею, а такъ какъ это купанье совершалось въ земныхъ водахъ, то оно служило въ то же время и видимымъ знакомъ единенія небесныхъ силъ съ землею. Это единеніе призывало къ единенію и всѣхъ людей. Поэтому то, предположеніе, что около Ивана Купалы преимущественно совершались браки у нашихъ предковъ язычниковъ, является въ данномъ случаѣ весьма основательнымъ, особенно въ виду сходства многихъ купальскихъ обрядовъ и пѣсень съ такими же обрядами и пѣснями народной свадѣбы. Очень можетъ быть, что лѣтописецъ, говоря:

«скождахуси на игрица, на плясанія и ту жоны собѣ умыкаху съ нею же кто сѣѧщася», именно и имѣлъ въ виду купальскія игрища и плясанія.

Но такъ какъ не всѣ могли вступать между собою въ единеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, то по поводу совершившейся солнечной свадбы въ купальный праздникъ многіе вступали между собою только въ «побратьство», «посестричество», «кумовство». Побратьство и посестричество, какъ извѣстно, обычай, весьма распространенный у всѣхъ южныхъ славянъ. День, въ который совершается побратьство въ южной Болгаріи, точно определенъ обычаемъ—день этотъ день Ивана Купалы. Заключающее побратьство имѣютъ при себѣ по букету изъ зеленої ели, къ которому привязывается золотая или серебряная монета (эмблема солнца) (Жив. Стар. Вып. I, 1892 г., стр. 37). Остатки же древнаго обычая «кумиться» сохранились и до сихъ поръ въ нашемъ народѣ.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Яросл. губ., дѣвушки, желающія покумиться, въ кумитное воскресеніе (следующее за Троицкимъ) заплетаютъ на березкѣ вѣнокъ и сквозь этотъ вѣнокъ цѣлются. Березка эта сохраняется до Троицына дня, когда она кидается затѣмъ въ воду. («Кумитное Воскресеніе», Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 51). Въ Рязанской губ., желающие покумиться, плетутъ въ Троицу вѣнки и сквозь вѣнки (вѣнокъ круглый—эмблема солнца) цѣлюются, послѣ чего вѣнки эти кидаются въ воду съ цѣлію узнать свою судьбу (Жив. Ст. В. IV, 1891 г., 199). Очевидно, что обрядъ «кумовства» стоять въ связи съ троицкимъ завиваніемъ вѣнковъ и гаданіемъ по этимъ вѣнкамъ.

Междѣ тѣмъ нѣть никакого сомнѣнія, что гаданье по вѣнкамъ совершалось первоначально въ день Ивана Купала, въ купальскіе праздники, а затѣмъ уже оно было перенесено въ день св. Троицы.

Въ чистомъ первоначальномъ своемъ видѣ это гаданье сохранилось въ окрестностяхъ г. Углича Ярославской губерніи. «При завиваніи вѣнковъ на своего суженаго дѣвицы ноютъ:

Не засохнуть вѣночекъ—
Не разлюбить дружочекъ.

Вѣнки остаются затѣмъ завитыми до Троицына дня. Въ Троицкій день ходятъ ломать вѣнки. Если при этомъ окажется, что чей нибудь вѣнокъ развелся, то сбудется загаданное... Оставшійся вѣнокъ безъ измѣненія не обѣщаетъ перемѣны въ жизни. Засохнувшій вѣврокъ означаетъ, что милый разлюбитъ. Сломивъ вѣнки, дѣвицы идутъ къ рѣкѣ или пруду; вѣнки кидаются въ воду: чей вѣнокъ потонетъ—тотъ умретъ въ данномъ году; чей вѣнокъ, въ которую сторону поплынетъ—въ ту сторону владѣлица его и выйдетъ замужъ; вѣнокъ, стоящий неподвижно, не предѣщаетъ никакихъ перемѣнъ». (Яр. Губ. Вѣд. 1892 г. № 40). Таково троицкое гаданье по вѣнкамъ, совершающееся понынѣ.

Это гаданье было перенесено съ какого нибудь языческаго праздника, такъ какъ Троицкій день праздникъ христіанскій и притомъ переходный. Нѣть никакого сомнѣнія, что это гаданье было перенесено на Троицкій день съ купальскаго праздника, въ который совершалось въ старину гаданье посредствомъ вѣврокъ.

Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Шішли дівочки та по ягідкі.
Коло воды-моря и т. д.
Уже дівочки поплели вѣночки

Коло воды-моря и т. д.
Віночки не вянуть, дівочки не плачуть,
Коло воды-моря и т. д.
Віночки завяли, дівочки сплакнули.
Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки,
Купало!
Грае сонечко на Ивана!

Такъ описываетъ это гаданье старинная купальская пѣсня. Описаніе это подтверждается и описаніемъ іеромонаха Симеона Полоцкаго. «Иные собираютъ въ толь день (т. е. 24 июня) иѣкоторыя травы и по нимъ гадаютъ, лиѣа такую вѣру, что если травы раздѣлутъ по истеченіи одной ночи, то загадываемое сбудется благополучно, а если не раздѣлутъ—унываютъ въ ожиданіи несчастія». (Рук. для Сел. Паст. 1860 г., т. I, стр. 228).

Очевидно, что троицкое гаданье на вѣникахъ было пріурочено первоначально къ купальскимъ игрищамъ. Здѣсь оно имѣло глубокій смыслъ: круглый вѣнокъ есть эмблема солнца, вѣнокъ пущенный на воду — эмблема «купалющагося» солнца, въ честь которого и совершились купальскія игрища. Но если это такъ, если троицкое гаданье на вѣникахъ совершилось первоначально въ праздникъ Купалы, то очевидно, что въ этотъ праздникъ совершился и соединенный съ этимъ гаданьемъ обрядъ «куповства». Всѣ люди соединились между собою узами дружбы и любви, празднуя совершившійся брачный союзъ солнца въ его омовеніе въ земныхъ водахъ играми «при звукахъ бубновъ, трубы и струиной музыки», «плясаніемъ» и «главами киваніемъ», и «крикомъ неистовыемъ».

Если мы примемъ высказанную нами гипотезу о происхожденіи и значеніи купальскихъ празднествъ, то легко можемъ дать объясненіе и тому народному повѣрю, что купаться до Иванова дня — грѣхъ. Безъ сомнѣнія грѣхъ оскверняетъ купаньеъ воды, въ которыхъ должно было омыться божественное солнце. Но за то, послѣ этого омовенія, купанье дѣжалось не только позорительнымъ, но даже и цѣлебнымъ, такъ какъ воды, освященные солнцемъ, получили цѣлебную силу, а чрезъ эту воду и земля достигала наивысшей своей производительности. Не даромъ въ купальскихъ пѣсняхъ поется:

Иванъ да Марья
На горѣ купалыся:
Гдѣ Иванъ купався (т. е. солице)

Берегъ колыхався,
Гдѣ Марья (зоря) купалась—
Трава раззилалась.

Не даромъ, по народному вѣрованію, въ купальскую ночь вся природа оживляется и получаетъ особенную силу: деревья переходятъ съ одного мѣста на другое, животныя и всѣ растенія разговариваютъ между собою и только можетъ понимать ихъ, кто имѣеть у себя цѣсть напоротника, — растенія, цѣѣтущаго только въ купальскую ночь. Такъ какъ напоротникъ служилъ прежде метафорою молніи, то очевидно отношеніе разсказовъ о немъ къ купальскому солнечному празднику: у хорватовъ это растеніе прямо называется перуновымъ цѣѣтомъ, а у хорутанъ — sunces — солнечникъ¹).

По народному повѣрю купальская вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальского костра, постоянно хранится у вѣдьмы: когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этой водой, тотчасъ же поднимается на воздухъ и летить, куда только вздумаѣтъ...

Но возвратимся опять къ остаткамъ древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ въ ночь на Ивановъ день зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ нихъ взявши съ руки (парень съ девушкою), причемъ замѣчаютъ, что если во время перепрыгиванья черезъ огонь руки ихъ не разнимутся, то они вступить въ супружество и будутъ счастливы.

¹) У Хоруганъ или правильнѣе Словѣнцевъ солнце не суще, а солнце въ солнце, а solneca — бѣлый нарцисъ narcissus posticus, — также горная артика, агриса тонната. Есть еще слово solnepica — helianthus, подсолнечникъ, также козлобородникъ, tegoropon, carbina acaulis, колючникъ. (Слов. Больфа-Иллера-Шинника. Любляна. 1895).
Ped.

Обыкновенный огонь есть символ огня небесного солнца, онъ является на всѣхъ празднествахъ въ честь солнца (сожиганіе масляницы, костры въ Пасху)—ему вполнѣ конечно умѣсто быть и на купальскомъ празднествѣ въ честь брачнаго союза солнца, тѣмъ болѣе умѣсто, что огонь въ то же время служить символомъ и домашнаго очага. Въ купальскомъ обычай огню приписывается талистрическое влияніе на судьбу человѣка, въ особенности на устроеніе браковъ—вещь вполнѣ понятная, такъ какъ судьба дѣвушки чаще всего рѣшалась у нашихъ предковъ въ купальскія празднества, посвященные солнцу, символомъ котораго и служить огонь. И до сихъ порь въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынскаго Полѣсъя сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлю узнать, сохранила ли невѣста девственность до замужества. По понятію полѣшуковъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, если бы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудреною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста («Нов. Бр. № 5803»).

Сходство между купальскимъ и свадебнымъ обрядомъ весьма разительно. Необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ во многихъ мѣстахъ составляетъ «марѣза», «купалло», «вильце» и т. д. «Марена» въ большинствѣ случаевъ деревцо, украшенное цветами и лентами, очень часто то деревцо, на которомъ завивались вѣнки. Вокругъ этого деревца дѣвушки въ купальскую ночь пляшутъ и поютъ купальскія пѣсни.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки,—
Купало!

Парни стараются отнять у дѣвушекъ это деревцо и, если отнимутъ, то разрываютъ его, послѣ чего дѣвушки дѣлаютъ новую «марѣну». По окончаніи купальскихъ игрищъ «марѣна» кидается въ воду.

Слово марѣна находитъ себѣ объясненіе въ словахъ «марить»—припекать, «примарило»—припекло (когда говорится о солнечномъ припелѣ), а также въ названіи одного красильного растенія марены, дающаго красный цвѣтъ. Очевидно, что со словомъ марена соединялось понятіе о свѣтоносной солнечной супругѣ — зарѣ-заринѣ красной дѣвицѣ.

Среди лужицкихъ сербовъ распространено вѣрованіе, что въ поддень прохаживается какая-то Мара, заботясь о томъ, чтобы все хорошо росло, особенно травы (Срезневский, «Жив. Ст.», в. II, 1890 г., стр. 60). Эта марена-мара и есть ничего иное, какъ солнечная невѣста, а затѣмъ супруга—«красная дѣвица заря-зарница», купавшаяся вмѣстѣ съ солнцемъ въ водахъ и обратившаяся въ нѣкоторыхъ купальскихъ пѣсняхъ въ Марью (Марена—Мара—Марья).

Принимимъ, что, по вародному поверью, «на зарѣ трава ростеть», принимимъ затѣмъ и слова купальскихъ пѣсень:

Гдѣ Марья купалась
Трава разцвѣтала.

И намъ будетъ ясно, что «марена» изображала собоюничто иное, какъ красную дѣвицу зарю, явившуюся богиней покровительницей всѣхъ дѣвушекъ. Символомъ этой богини и являлось вышеупомянутое деревцо.

Съ купальскихъ праздниковъ, совершившихся въ честь свадьбы бога солнца, эта марена, подъ различными названіями перешла въ различныхъ мѣстностяхъ и въ ритуалъ народной свадьбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное деревцо и деревцо купальскихъ обрядовъ носятъ даже одно и тоже название, такъ напр. въ Ростовскомъ

уездѣ Ярославской губ. оно называется и въ томъ и другомъ случаѣ «дѣвья красота», въ другихъ мѣстахъ оно известно въ обоихъ случаяхъ подъ именемъ «ришь» и т. д. Правда, въ свадебныхъ обрядахъ это деревцо служить уже символомъ дѣвичьей косы, эмблемой невинности, но вѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свадебная «дѣвья красота» есть видоизмѣненіе только купальской «марены»: способъ приготовленія, роль ихъ въ торжествѣ, а иногда и послѣдняя судба ихъ (разрываніе на части) и въ томъ и другомъ случаѣ почти одни и тѣ же.

Съ теченіемъ времени, когда язычество утратило прежнюю свою силу, обрядъ «марены» утратилъ во многихъ мѣстахъ свой прежний торжественный религиозный характеръ и обратился въ шутку.

Такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волыни въ праздникъ Купалы до восхода солнца дѣвицы выбираютъ длинную палку, надѣваютъ на нее вѣнокъ и съ этой палкой выбѣгаютъ на улицу, привѣтствуя различными насмѣшки насчетъ паробковъ, въ родѣ такихъ:

Купайла на Ивана
Сучка въ борщъ упала
Хлопці вытигали,

Зубы поломали.
Дівчата граблями,
Л хлопці зубами и т. д.

Паробки, услыхавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ палку съ вѣникомъ, вѣнокъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ на улицу.

Послѣ чего дѣвишки берутъ новую палку и т. д.

Послѣ обѣда въ Ивановъ день дѣвишки, нарвавъ цвѣтовъ и сдѣлавъ въ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, несутъ на извѣстное опредѣленное мѣсто съ пѣснями и пляскою. Тамъ они ставятъ его на землю и, ставъ около него въ кружокъ, поютъ различныя пѣсни. Наконецъ, являются парни и разрываютъ чучело на части.

Въ концѣ этого обычая проглядываетъ уже обычай «проводовъ русалокъ», пріуроченный въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Троицкому дню, а въ другихъ мѣстахъ къ петровскому заговѣнью или даже къ первому понедѣльнику Петрова поста.

«Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, говорить извѣстный русский историкъ С. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: провожанье русалокъ: женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ ковру улицы. Здѣсь распѣвались невремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь отрывалась война. Соломенную чучелу—русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщинамъ, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападевія. Бойцы изъ улицы переселялись на воле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю».

Въ Рязанской губ. проводы русалокъ совершаются въ заговѣніе на Петровъ посты. («Жив. Ст.», в. IV, 1891 г., стр. 202).

Конечно, проводы русалокъ перешли на начало Петрова поста съ какого-нибудь древняго языческаго праздника, такъ какъ начало Петрова поста или такъ называемое всѣхсвятское заговѣніе есть враздѣшій съ одного числа на другое. Нѣть никакого сомнѣнія и въ томъ, что эти проводы соединялись у древнихъ язычниковъ славянъ съ купальскими игрищами. На это указываетъ уже весьма близкое сходство, существующее между нѣкоторыми купальскими обрядами и обрядами, встрѣчающимися на проводахъ русалокъ. Сходство это мы замѣтили и выше. Перенесеніе русальныхъ игрищъ съ купальского торжества на начало Петрова поста было вполнѣ естественнымъ и возможнымъ, такъ какъ начало Петрова поста очень часто совпадаетъ съ купальскими днями и всегда приходится вблизи ихъ.

Празднованіе проводовъ русалокъ, объясняемое нашими изслѣдователями съ большими натяжками, легко находить себѣ объясненіе въ нашей гипотезѣ о происхожденіи и значеніи купальскихъ игрищъ.

Русалки (сл. мавки) есть ничто иное какъ души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный у всѣхъ языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрю, съ начала весны русалки живутъ первоначально въ водахъ—въ рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Съ троицына дня, по тому же народному повѣрю, русалки оставляютъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что вѣкоторые изъ обрядовъ, обычаевъ и вѣрованій, пріуроченныхъ къ троицыну дню, соединялись первоначально съ купальскими игрищами, что между проводами русалокъ и купальскими игрищами существуетъ близкое сходство, то мы можемъ вполнѣ основательно утверждать, что русальские проводы первоначально соединялись съ купальскими праздниками, были, очень можетъ быть, заключительнымъ звеномъ этихъ праздниковъ.

Дѣйствительно, души умершихъ, т. е. русалки есть представители царства смерти, тьмы и холода—поэтому то съ наступленіемъ весны, хотя они и оживаютъ, но сбиваются все-таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Но вотъ наступаетъ время купальскихъ дней. Солнце, «купаясь» въ водахъ, освящаетъ эти воды и оживотворяетъ ихъ. Умѣстно ли и возможно ли, поэтому, русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечного божества? Конечно нѣтъ. И вотъ, по народному повѣрю, они оставляютъ воды и лѣзутъ изъ земныхъ деревьевъ, служившихъ по вѣрованію древнихъ славянъ жилищемъ мертвѣцовъ¹⁾). Но и эта попытка для нихъ является неудачной. Деревья съ наступленіемъ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ и получаютъ даже особую цѣлебную силу, на землѣ настало царство тепла, свѣта и жизни—представительницамъ смерти русалкамъ места на землѣ уже болѣе не находится, для нихъ остаются только темные нѣдра земли. Поэтому то и говорится въ одной купальской пѣснѣ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалился, забился.

Выраженіе пѣсни «земляночки» ясно указываетъ на русалокъ, какъ на первоначальныхъ жительницъ земныхъ нѣдъ. Въ эти то нѣдра русалки, обезсиленные и скрываются послѣ купальскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ наше предположеніе, что русальские проводы являлись въ старину заключительнымъ звеномъ купальскихъ игрищъ, является вполнѣ вѣроятнымъ.

Очень можетъ быть, что вслѣдствіе то этого соединенія русальныхъ проводовъ съ купальскими праздниками въ народѣ съ теченіемъ времени и образовался совершенно особый взглядъ на русалокъ, какъ на дѣвушекъ утопленницъ.

Припомнімъ, что во множествѣ купальскихъ пѣсень существуетъ разсказъ объ утонувшей дѣвушкѣ (зарѣ), фигурирующей подъ именами Мары, Ганы, Титаны и т. д.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду Кладка схитнулась—Ганна втонула,
И ступила Ганна на хитку кладку. Якъ потопала, тричи зриала.

Ганна моя панна
Ягода червонна! (Волынь).

¹⁾ Касательно лазанія по деревьямъ есть драгоценное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ славянъ, должны были жить иногда на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи муромскаго князя Константина читаемъ: «Кони закалающе, и по мертвыхъ ремеслены плетенія древолазная съ ними въ землю ногребающе и битвы, и кровеніе, и лицъ настремканію и дранію творяще».

или же:

Меньшая (сестра) большую
Гулять втаёкъ (тайно) звала.
Пойдемъ, пойдемъ, сестраца
На берегъ на крутой,
Посмотримъ тамъ, сестрица,
Чьми берегъ украшень...
Меньшая большую
Столкнула въ рѣку,
Вода то сбушевалась
Подмыла берега и т. д. (Яр. губ.).

или же наконецъ:

Утонула Мареночка утонула
Та на верхъ кісоныки зринула.

Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ то этихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на купальскихъ играищахъ вообще, а въ частности и на русальныхъ проводахъ и измѣнился первоначальный взглядъ народа на русалокъ.

Согласно высказанной нами гипотезѣ о значеніи и характерѣ древнихъ купальскихъ играицъ намъ легко будетъ уяснить себѣ и название этихъ играицъ. Купальская играица и праздники, продолжавшіеся безъ сомнѣнія въ теченіи пѣсколькихъ дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, однимъ изъ актовъ которой было «купанье» солица въ водахъ. Отсюда и название этихъ праздниковъ «купалы» (срав. святки, колядки, проводы).

Такъ какъ купанье солица могло быть замѣчаемо далеко не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ быстро исчезли слѣды этого праздника подъ вліяніемъ христіанского вѣроученія. Въ другихъ же мѣстахъ слѣды эти сохранились и до настоящаго времени. Такъ какъ день св. Иоанна Предтечи былъ во время купальскихъ праздниковъ, совпадаюcъ съ ними, то съ распространениемъ въ народѣ христіанства этотъ Ивановъ день въ отличіe отъ другихъ Ивановыхъ дней (Ивана, напр. Постного и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана—«купалы», т. е. приходившаго въ купальские праздники.

Собственно название «купалы» заставляло уже задумываться многихъ грамотѣвъ еще въ XVI в.

Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462, л. 82) находится слѣдующая статья: «что ради наречеся Иванъ вечеръ купалницю и коса ради вивы полезно есть на различныя лѣтебныя по:ребы?» Книжникъ XVI в. отвѣтъ на этотъ вопросъ находить въ томъ, что будто въ этотъ день «Товить купася съѣтомъ ангеловъ, и саца іуніа въ день 23».

Ясно, что въ XVI в. народъ уже не помнилъ о первоначальномъ характерѣ и происхожденіи купальскихъ играицъ. Самыя эти играица подверглись значительнымъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Такъ, напр., въ позднѣйшихъ вариантахъ купальскихъ пѣсенъ «марена» или «вильцъ» называется уже «купаломъ».

На городи лопухъ, лопухъ —	Ныхай купайлa иы ломаютъ.
Писковскимъ хлощаимъ	Наше купайдо до мисаця
Жицить опухъ.	Писковыски хлощи повисятыца.
Ныхай пуйне, ныхай знаютъ,	(«Жив. Ст.», в. I, 1894 г., стр. 89).

Неудивительно, что польскіе историки XVII в. Кромерь, Стрыйковскій, Гванинъ на основаніи этихъ искаженныхъ купальскихъ пѣсенъ и обрадовъ, вполнѣ непонятныхъ для нихъ, создали несуществовавшее божество славянъ—бога «Купалу». Ошибку эту повторили и многие изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ ни Несторъ, ни другое древнѣйшіе писатели, упоминая о прочихъ славянскихъ богахъ, не упоминаютъ вовсе о никакомъ богѣ «Купалѣ».

A. Балогъ.